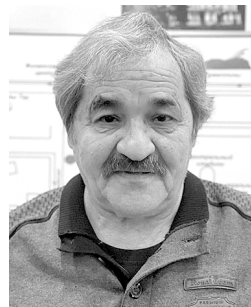

Олег

Лютерович

ШОП-ТУРИЗМ НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

90-е... Социализм в моем Отечестве, где он был самым развитым в мире, развалился.

Необходимо было как-то выживать в условиях нагрянувшего капитализма. Наш народ, ранее яро следовавший заветам Маркса, заглянув в замусоленные конспекты с его трудами, вспомнил, что «товарное обращение есть исходный пункт капитала».

Формула классика $T - D - T$ (превращение товара в деньги и обратное превращение денег в товар) означала продажу ради купли.

Немеркнущий постулат, переведенный в практическую плоскость, воплотился в становой хребет шоп-туризма.

...Маршрут был отлажен – до Каунаса через Москву на поезде. Далее – перелет на тархтящей «аннушке» до городка с чудным названием Августов. В конечной точке – размещение в частном секторе и реализация рыночных отношений на базаре по формуле $T - D - T$.

Под первым «Т» подразумевались синьцзянские одноразовые кроссовки и пуховики с трехдневной гарантией, отечественные наборы гаечных ключей, утюги, постельное белье, трофеи из индийского магазина «Ганга» и проч. Иначе говоря, всё то, что можно было впарить гордым «пшекам». Функцию «Д» выполняли польские золотые, пресловутые «тыщенцы». Второе «Т» – турецкий ширпотреб, так как путь к янычарскому «Олд базару» пока нам был еще не доступен.

По возвращении на родину формула реверсивно срабатывала.

Собственно говоря, упомянутый маршрут получился в результате оптимизации всех предыдущих.

К началу шопной эпопеи я, отработав к тому времени 16 лет в бюро путешествий, сначала организовывал туры в Польшу через Киев и Питер, в расчете на духовную жажду аудитории. В конце концов группа сурово заявила, чтобы я бросал свои ветхозаветные привычки и максимально сократил перемещение от алматинского до варшавского базара.

В пути мне, как руководителю группы, необходимо было решить две задачи: во-первых, не допустить человеческих потерь по маршруту, во-вторых, пройти рэкетирские засады с наименьшим финансовым уроном.

Решению первой задачи препятствовало безудержное пьянство коллектива. Железная дорога искони (по В. Далю, «вековечно») провоцировала нашего человека на этот грех. Пейзаж за окнами состава расцветал, чувства варьировались от любви к ближнему до мордобоя с ним же, а частый сон сокращал время в пути.

Таким образом, в пьянстве мои туристы видели одни плюсы. Горючим выступал спирт «Royal», любовно прозванный народом «Рояль», по «клавишам» которого граждане ударяли повсеместно. В моей команде было полно профессиональных «музыкантов», они бесконечно образовывали трио, квартеты, квинтеты, а то и спивались в единый оркестр. В такие же стаи сбивались и менты с рэкетирами.

Описываемая конкретная поездка, которую стыдно называть туром, изначально не то чтобы не заладилась, а несколько отступила от привычного стандарта. Перед самым стартом представители одной грозной и надзирающей структуры попросили включить в группу двух своих проверенных товарищей, распираемых жаждой жизни. Проблема была в том, что наш «небесный тихоход» обретал одного лишнего пассажира. Литовский командир экипажа с латышским именем Валдис заверил меня, что все будет в порядке, и вскоре мы высадились в Москве на Казанском вокзале. Прибывающие группы радушно встречали рэкетирсы – диспетчеры, которые перераспределяли эти потоки по автобусам. Ни один водила не трогался с места без бандитской отмашки. Привокзальная площадь кишела напёрсточниками. Между ними, как акулы, шныряли милиционеры в поисках потенциальных жертв из числа законопослушных граждан.

По моей команде группа, задыхаясь от тяжести перемещаемого барахла и стабильного похмелья, партизанскими тропами отползла на квартал от площади. Там мы и поймали пустой автобус до Белорусского вокзала, сэкономив таким образом на рэкетирском налоге.

В каунасском аэропорту ожидавший нас Валдис излучал прибалтийскую доброжелательность. Он сообщил, что польская сторона именно сегодня проверяет соблюдение правил воздушного сообщения с Литвой, и, соответственно, ни о каком лишнем пассажире речи идти не может. Естественно, счастливая участь «лишнего» выпадала мне. Невольно возникли ассоциации с выражением «сбитый летчик». Тем временем несбитый летчик меня успокоил. «Ерунда, – сказал Валдис, – я тебе сейчас выпишу ваучер. Дуй на автовокзал, бери билет до города Лаздияя, где и...» «Перейду границу у реки», – тошнотворным голосом допел я. «Ну, да, – изрек покоритель небесных просторов, – разница только в том, что прекрасными пейзажами моей Родины ты полюбуешься не из иллюминатора авиалайнера, а из автобусного окна. Зато дольше!»

Из своего чемодана с некачественным товаром я выудил всего три годных вещи: бутылку коньяка, несколько яблок сорта «апорт» и толстую книжку. Баул передал взгрустнувшему коллективу и, закинув легкую сумку на плечо, рванул в сторону воделенной границы.

...Лаздияй основан в 1560 году, и за это время там наверняка уже навели порядок. Прибыв на автовокзал в пятницу, я самонадеянно сунулся в кассу и попросил билет на ближайший рейс в Rzeczpospolita Polska. С тешащим слух европейским акцентом мне пояснили, что в наступивший weekend билеты раскуплены местным населением, которому самому есть что продать и, соответственно, прикупить в дружественной стране. А по моему поводу можно подумать не раньше понедельника.

Я тут же ударился во второе заблуждение, решив дожидаться утра на автовокзале. Однако сии ворота в мечту закрылись в 21:00, и я понял, что здесь по ночам люди грезят явно не об автобусах.

Февральские сумерки опустились на городок, и в памяти всплыли строки из чеховского «Ионыча»: «Мороз крепчал...» Причем вместе с маразмом моей ситуации.

В двух-трех кварталах от автовокзала располагалась гостиница, куда я и направился. Понятно, что она была забита под завязку. У стойки администратора я

напряг свое 37-летнее обаяние, подкрепив его 300-граммовым апортом. Скорее всего, эффективнее обаяния сработало яблоко, но, так или иначе, мне посулили кров через пару часов.

Устроившись в вестибюле с книжкой, я с удовлетворением отметил, что все-таки не ошибся в комплектовании дорожного набора.

Через полчаса наружная дверь распахнулась, и в отельное пространство въехала массивная металлическая телега, на коих перемещают грузы железнодорожные носильщики.

Транспортное средство было доверху нагружено мешками. Причем его появление сопровождал отчаянный вопль: «Мыы-стаа ест???»), а уже потом нарисовались толкачи. Это была пара узбеков в соответствующей униформе – тюрбетейках и полосатых халатах.

Несведущему человеку могло показаться, что следом за мешками в вестибюль упали два матраца.

Я чуть не прослезился от умиления – казахстанцу на краю света и узбек – земляк!

Администраторша замахала руками с мощностью даже не вентилятора, а киношного ветродуя. Сквозь ураган я разобрал отрывки фраз: «обалдели», «не надейтесь» и еще что-то полуцензурное. Впрочем, была и полезная информация. Недалеко от гостиницы, оказывается, имелся интернат, в котором задешево можно переночевать подобным отщепенцам.

Я решил поддержать представителей дружественной республики и отправился вместе с дехканами разыскивать пристанище.

В этом всем была какая-то романтика. Аккуратные литовские домики освещались полной луной. В ее свете ажурные снежинки падали на наши контрастирующие с этим пейзажем согбенные фигуры, толкающие перед собой телегу.

В интернате нас приняли вполне любезно и за умеренную плату определили в накопитель комедиантов на второй этаж. Там оказалась вместительная комната примерно на двадцать будуаров. Интерьер вполне соответствовал ночлежке из пьесы «На дне» в постановке Вл. Ив. Немировича-Данченко. Кто-то зашивал одежду, кто-то переобувался, кто-то готовился ко сну. Публика представляла собой полный интернационал: угадывались грузины, хохлы, русские, был даже литовец. Поэтому мы с узбеками, как представители Центральной и Средней Азии, вполне гармонично влились в коллектив.

Решив перевести броуновское движение, царившее в помещении, в осмысленные посиделки, я выставил на стол коньяк и высыпал яблоки. Никакой агитации не потребовалось, и народ потащил из своих берложек то, что через некоторое время сформировало вполне приличный банкет.

Как вскоре выяснилось, у каждого из членов высокого собрания были проблемы с пересечением границы.

В частности, мои друзья-узбеки в мешках тащили сухофрукты, на которые, конечно, не имели санитарных справок. Литовцы их пропустили за взятку (свои же – советские!), а поляки развернули, аннулировав визы. Как я ни убеждал их распродать курагу в Лаздияе и ретироваться на своей железной арбе в родной кишлак, они решили попытаться пройти через кордон в другом месте. «В этом случае, – посоветовал им я, – можно рассчитывать только на прорыв с боем. Благо у вас есть целый мешок с гранатами».

Когда пришел мой черед поделиться своей историей, к разговору подключился молчавший до сих пор литовец. «Олегас, – сказал он, протягивая мне кусок копченой свинины, – у тебя совсем простая ситуация. Я сам дальнбойщик, и с раннего

утра мои братья по баранке попрут в сопредельное государство. Проголосуй – и тебя подберут». Надо отдать должное нашему интернационалу, который тут же дружно осушил посуду за мою удачу.

Через пару часов я стоял под снегом на трассе, предвкушая теплую кабину и доброго водителя, которому скажу на его родном языке: «Nukeliavęs į Lietuvą, buvo sužavėtas Lietuvos žmonėmis, jų kultūra ir lietuvišku kraštovaizdžiu». Мол, посетив Литву, был очарован литовскими людьми, их культурой и литовским ландшафтом. А он умиляется и сделает мне скидку.

Еще через пару часов я сильно усомнился в наличии грузовых перевозок между сопредельными государствами. До границы оставалось восемь километров, и предо мной возникла дилемма: преодолеть их бодрым военным шагом или пасть в объятия алчных частников. Они периодически подлетали ко мне на «жигулях», обозначив таксу в 20 баксов, что по тем временам было довольно круто. На исходе третьего часа я сдался и через 17 минут прибыл на пропускной пункт.

Оказалось, что мой банкетный друг не соврал: все обозримое пространство было забито грузовиками. Заглянув в десяток кабин, я услышал один и тот же ответ по содержанию, но с разными вариантами по форме (т. е. с матами и без). В связи с тотальной проверкой со стороны поляков перевозчики стояли уже вторые сутки и светлый финиш еще не проглядывался.

Вот так братья-славяне закрыли для меня небесные и сухопутные магистрали в свой фатерлянд. Судорожно оглядевшись по сторонам, я не обнаружил поблизости морского пути и озадачился.

Мои раздумья прервал треск двухцилиндрового двигателя. По дороге неслось какое-то чудо польского автопрома, внешне похожее на гибрид между горбатым «запорожцем» и мотоколяской, в просторечье – «инвалидкой». За рулем сидел рыжий громила и, судя по артикуляции, что-то бодро напевал. Во мне вскипела кровь бабки по матери, урожденной Ванды Горбалевской. «Земляк, – завопил я, – захвати меня. Хочу поклониться земле предков!» Пан любезно согласился домчать меня до родных, но пока еще незнакомых просторов за 20 долларов. Очевидно, такая такса равно срабатывала по обе стороны кордона.

Мы лихо пролетели зону таможенного досмотра и притормозили у пограничного вагончика. Пан приказал мне сидеть и, взяв документы, отправился к стойким охранителям рубежей, пока еще СССР. Через непродолжительное время он вернулся и сообщил, что меня с нетерпением ждут в этой цитадели порядка и нравственности.

Там меня не ждали, а поджидали три совершеннейших фашиста, которые с ходу начали профессионально раскручивать внука достойной польской бабушки.

Они кричали, что через данный пограничный пункт теперь могут проходить только жители Прибалтики. Грозили, что сейчас разорвут мой ваучер (хотя он был выписан рукой литовца на литовской же территории). Затем мне припомнили геноцид, устраиваемый литовским туристам на гостеприимной казахской земле. Вот здесь крыть было нечем. Дело в том, что прибалтийцы уже начали мотаться в Китай, и наши доблестные таможенники – пограничники, обуреваемые бескорыстной любовью к денежным знакам, за Хоргосом выставили еще парочку постов себе на пропитание. Это были чудные времена, когда наш таможенный генерал на вопрос корреспондента о том, почему около его управления стоят сплошь иномарки, отвечивал: «А может, у него брат мясом торгует!» Скорее всего, этот загадочный «он» и лютовал на нелегальных точках.

Тем временем мои визы распались до такой степени, что коллегиально постановили расстрелять меня прямо за вагончиком. Все это время я меланхолично

прикидывал сумму, которую в конце концов они с меня затребуют. И когда старшой уже раскрыл пасть, дабы ее озвучить, я сработал на опережение: «Сорок! А больше у меня нет». Конечно, я врал – у меня еще оставалось 4 бакса!

Мимо польских постов мы проплыли белым лебедем, я даже не выходил из загадочного автомобиля. Миновав их, выехали на широкий простор, где рыжий пан осведомился о моих дальнейших планах. Выяснив, что нам в противоположные стороны, мы расстались, закрепив рукопожатьем нерушимость польско-казахстанских связей.

Оставшейся суммы мне хватило на автобусный билет до Августова. С суточной щетиной на щеках и мужественным голодным взглядом через несколько часов я объявился на городском базаре. Фанфары и барабанный бой заменили аплодисменты соотечественников. Честно говоря, даже не ожидал такого теплого приема. Со всех сторон мне совали бутерброды, и мои подельнички без сожаления стали раскупоривать водку, бутылка которой в номинале соответствовала цене женской кофточки. Вскоре к торжествующим алмаатинцам присоединились белорусы, украинцы, латыши... И базар загудел!

Через полчаса над ним гремела «АББА» с соответствующим хитом «Money, Money, Money...». А еще через час полицейские задержали двух моих перебравших архаровцев. Так как патриотизм группы был значительно подогрет, я, боясь коллективного протеста, предложил себя в обмен на своих гуляк.

Из окна полицейского автомобиля стал присматриваться к местным ландшафтам, прикидывая, какой из них буду подметать в ближайшую неделю.

Но свершилось чудо. Мои экономные коллеги собрали 150 тысяч злотых¹ и выторговали меня у неподкупных европейских блюстителей правопорядка.

Последующие пять дней прошли в трудовых буднях на удивление без эксцессов.

Но лихо начавшийся сюжет должен был закончиться ударным финалом. И он, конечно, случился.

Обратно до Каунаса мы возвращались рейсовым автобусом. Кроме нас в салоне ехали только жемайтійцы² и сам водила – жмудь ухитрился прикатить на Родину, каким-то образом объехав таможенню.

Поэтому перед посадкой на поезд Каунас – Москва литовские таможенники, мстя за своих обиженных туристов, устроили нам такой кропотливый досмотр, что отход нашего паровоза мы наблюдали через «светлые стекла вокзала»³.

Ну, в общем, мы его догнали на следующей станции.

Вот такая, в целом, рядовая поездка.

А было их то ли 22, то ли 23.

Не помню уже...

¹ Цена дефицитного в 90-х годах двухкассетника.

² Основная этническая группа, населяющая Каунас.

³ Цитата выдернута из народной песни «Я помню тот Ванинский порт», где автор имел неосторожность окончить среднюю школу № 40.

